Митрополит Иларион: «Евхаристия – сердцевина жизни христианина»

4 октября 2011 года в рамках начала работы Общедоступного православного лектория в Центральном доме журналиста председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион прочел лекцию на тему: «Евхаристия – сердцевина жизни христианина», которая публикуется ниже без сокращений.

ЕВХАРИСТИЯ – СЕРДЦЕВИНА ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

Все насладитесь пира веры, все примите богатство благости!
Святитель Иоанн Златоуст

Мне очень радостно, находясь сегодня с вами, осознавать, что передо мной *православная* молодежь, то есть та молодежь, о которой уже нельзя сказать, что она находится лишь на пороге Церкви. Вы являетесь по-настоящему новым поколением воцерковленных молодых людей – тех, которые, как и все молодые всех времен ищут смысл, истину, Бога, ищут свой жизненный путь, но, в отличие от многих людей моего поколения, знают, где искать, и крепко связывают становление своего внутреннего человека с Церковью.

Сегодня во многом именно вы формируете и обновляете Тело Христово, Его Церковь. Вы являетесь надеждой не только для Церкви, но и для всего нашего общества. Вы живете среди мира, находясь в самом динамичном его сегменте. Вы там, где происходит борьба между добром и злом, там, где еще не ясно, кто победитель, но многое зависит от того, чт*о* является сердцевиной вашей жизни.

В наши дни уже нельзя сказать, что Русская Православная Церковь лишь возрождающаяся Церковь. Первоначальный этап церковного возрождения завершился. Сегодня Церковь призвана жить уже не столько новоначальным романтическим порывом, сколько полнокровной жизнью зрелого организма – со своим внутренним укладом, внятной позицией. И мы должны понимать, в чем наша уникальность, и чт*о* в нас есть по-настоящему исключительного среди множества современных сообществ и субкультур.

Можно ли просто сказать, что мы хранители некоей абстрактной истины или правды? Что мы православные и только поэтому с нами Бог? Что мы сохранили, или вернее для нас кто-то сохранил некую неиспорченную традицию? Являемся ли мы лишь представителями некоей

субкультуры или мы «соль земли» и «свет миру»? Что означает наша надежда на спасение? Что вообще означает это слово – «спасение», которое уже давно не мыслится в современном обществе так, как его понимали наши предки?

В среде нашей православной молодежи все эти вопросы в той или иной форме возникают и заставляют молодые сердца и умы по-новому взглянуть на содержание нашей веры. Они прямо или косвенно присутствуют в дискуссиях и беседах в духовных школах, в молодежных группах на приходах, побуждая молодого человека выстроить для себя некую шкалу приоритетов: что является фундаментом моей веры, а что зиждется на этом фундаменте?

Ответить на эти вопросы тем более важно потому, что молодой человек часто стоит перед выбором, от правильности которого зависит вся его последующая жизнь. Именно в юном возрасте, как правило, происходит выбор между монашеством или семейной жизнью, между священнослужением или служением Церкви в мирянском чине. Все эти знаковые и определяющие шаги не могут быть спонтанными действиями, но должны стать решениями человека, у которого есть конкретные цели, обусловленные ясными для него самого ценностями.

Именно о ценностях, о фундаменте нашей веры, я бы хотел сегодня вам что-то сказать. Конкретнее, я буду говорить о самой важной ценности нашей Церкви, о ее живом корне, из которого она непрестанно возрастает и обновляется. Я буду говорить о святой Евхаристии, потому что именно она и делает наш церковный организм исключительным, именно она придает нашему христианскому сообществу иное измерение, чем то, в котором живут любые другие сообщества.

Я убежден, что обновление евхаристического самосознания в нашей Церкви является одним из приоритетов, наряду с повышением уровня образования или с активностью в социальной сфере. Я бы сказал, что, в определенном смысле, евхаристическое самосознание даже приоритетнее всех этих задач. И это не потому, что общественная активность Церкви не важна или не актуальна. Напротив, потому что качественные достижения Церкви в указанных областях возможны лишь при условии, что Церковь будет ясно осознавать свою природу и в соответствии именно с этим самосознанием формулировать свою сегодняшнюю миссию.

Борьба за лучшую жизнь, так как ее видит Церковь, это борьба совершенно не похожая на ту, что ведут, например, политические партии или общественные организации. Роль Церкви в обществе ясно определена ее основателем – Господом Иисусом Христом, Который призывает общину верующих быть солью земли, закваской, быть силой, способной пробудить все самые лучшие силы в обществе.

И то, что делает нашу соль соленой, то, что позволяет Церкви, оставаясь, казалось бы, малой

силой, преображать мир – это святая Евхаристия. Евхаристия – это главная ценность нашей Церкви, в ней ее уникальность, ее смысл и значимость. Евхаристия определяет природу Церкви и делает ее по-настоящему жизнеспособной и актуальной во все эпохи для всех людей вот уже две тысячи лет. Евхаристия объединяет вокруг алтаря членов Церкви, оживляет, казалось бы, отвлеченное от реальной жизни, богословие и делает его личным и соборным переживанием. Евхаристия мотивирует и определяет христианскую нравственность и побуждает Церковь и всех ее членов быть свидетелями и исповедниками божественного послания миру.

Мы часто слышим словосочетание «традиционные ценности». В основном именно раскрытие этой формулировки и является содержанием нашей проповеди, обращенной к миру; миру, в котором очевидные вещи становятся все менее очевидными. Сохраняя таким содержание нашего внешнего свидетельства, внутри себя, в кругу церковном, нам следует чаще ставить перед собой вопрос о том, что определяет круг этих традиционных ценностей, а вернее, что в нашем понимании наполняет эти ценности собственно ценностным содержанием. И мы никогда не ошибемся, если скажем, что этим ценностным базисом, основой нашего исповедания и мировоззрения, источником вдохновения и убежденности является Евхаристия. И это потому, что по вере Церкви именно в Евхаристии она встречает Христа, соединяется с Ним, черпает силы и ведение, общается с ним и теснейшим образом переживает встречу земного и небесного: встречу с Источником полноценной жизни и непреходящего смысла.

Евхаристия является подлинной ценностью Церкви, потому что она соединяет нас со Христом, без которого Церковь – не Церковь. Евхаристия дает Церкви бытийное и смысловое основание, делает ее уникальным богочеловеческим сообществом. Именно поэтому Церковь, ее жизнь и активность – уникальное явление, без которого жизнь мира не имела бы никакого смысла и оправдания. Христос для того и основывал Церковь, чтобы она жила им и сообщала его миру. Вот ясная цель и одновременно фундамент Церкви: давать миру Христа, живого Бога воплотившегося.

Такой принцип бытия – евхаристического бытия Церкви – заложен Самим Христом. Евхаристия появилась на заре истории Церкви, еще до спасительных страданий, смерти и воскресения Христа. Она была ядром рождающейся общины верующих прежде всякого священного текста и прежде всякой сложившейся традиции. В Евхаристии актуализировался опыт апостолов и тех, кто был рядом с Христом, кто слушал Его и жил с Ним. Этот опыт не отличался бы от опыта последователей других выдающихся учителей и пророков, от опыта других сообществ, если бы не находил свое наивысшее выражение в Евхаристии.

В начале Евангелия от Луки, где повествуется о рождении Спасителя, ангел Господень возвещает вифлеемским пастухам «радость великую, которая будет всем людям» (Лк. 2:10). Завершая «Благую весть», евангелист Лука пишет об апостолах: «Они поклонились Ему [вознесшемуся

Христу] и возвратились в Иерусалим с радостью великою...» (Лк. 24:52). Радость человека, который обрел Бога, не поддается ни анализу, ни определениям, в нее можно только войти — «войди в радость Господина своего» (Мф. 25:21). И у нас нет иного средства войти в эту радость, кроме того священнодействия, которое с самого начала Церкви было для нее как источником, так и исполнением радости, можно даже сказать, самим *таинством радости*. Священнодействие это — Божественная литургия, на которой совершается «таинство таинств» — Святая Евхаристия.

Истинное Православие невозможно без постоянного участия каждого христианина в Евхаристии. Однако сегодня, к сожалению, многим людям мысль о частом причащении все еще кажется невиданным новшеством.

Древние христиане причащались очень часто: некоторые каждый день, другие три-четыре раза в неделю, иные только по воскресным и праздничным дням. Но постепенно в историческом развитии отдельных Поместных Церквей отношение к причащению менялось. В синодальную эпоху в Русской Церкви утвердилась традиция обязательного ежегодного причащения для подтверждения своей принадлежности к Православию. Причащались, как правило, в субботу первой недели Великого поста. Естественно, что дни подготовки к таинству были днями строгого поста, временем, когда человек должен был как бы собирать себя, разобранного на части за весь прошедший год, пока он не принимал Христовы Тайны.

Такая практика редкого причащения (только по большим праздникам или в посты, а то и раз в год) возникла по мере ослабления в Церкви духа евхаристического благочестия. Для одних причащение превратилось в формальность — «религиозный долг», который надо исполнить, другие боялись оскорбить святость таинства и приступали к нему как можно реже (как будто, причащаясь редко, они становились более достойными).

Утвердившаяся практика причащения стала чуть ли не новой догмой, отличительной чертой ревнителя православного благочестия. Желающего причащаться чаще могли заподозрить в ереси или прелести. Так, например, молодой студент военного училища Дмитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий, привел в крайнее замешательство своего духовника, сказав ему о своем желании исповедоваться и причащаться каждое воскресенье.

Вопрос о частоте причащения был поднят в начале XX века в процессе подготовки к Поместному Собору Русской Православной Церкви 1917–1918 годов. Было рекомендовано, со ссылкой на святоотеческие творения, вернуться к первохристианской практике причащения в каждый воскресный день. И действительно, святые отцы советуют христианам никогда не уклоняться от Евхаристии, подразумевая, что все присутствующие на ней всегда приобщаются Святых Таин. Например, по словам священномученика Игнатия Богоносца (I в.), верующим в Евхаристии

подается священное «лекарство бессмертия», «противоядие смерти», и потому необходимо «чаще собираться для Евхаристии и славословия Бога»**[1]**. Преподобный Нил (IV в.) говорит: «Воздерживайся от всего тленного и каждый день причащайся божественной Вечери, ибо таким образом Христово Тело бывает нашим»**[2]**. Святитель Василий Великий пишет: «Хорошо и весьма полезно каждый день приобщаться и принимать Тело и Кровь Христову... Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую неделю: в день Господень, в среду, пятницу и субботу, а также и в другие дни, когда бывает память какого-либо святого»**[3]**. Согласно 8-му Апостольскому правилу, те, кто долго не причащались без уважительной причины, отлучались от Церкви: «Верные, не пребывающие во святом общении, должны быть отлучаемы как вводящие беспорядок в Церкви»**[4]**. О частом причащении говорил и святой Иоанн Кассиан Римлянин в V веке**[5]**.

Не только в раннехристианскую эпоху, а и в более позднее время многие святые призывали к частому причащению. В XI веке преподобный Симеон Новый Богослов учил о необходимости ежедневно причащаться со слезами**[6]**. Во второй половине XVIII века преподобный Никодим Святогорец и святитель Макарий Коринфский написали простую и одновременно гениальную «Книгу душеполезнейшую о непрестанном причащении Святых Христовых Таин», книгу, которая до сих пор не потеряла своей актуальности. В ней говорится: «Повелевается всем православным христианам причащаться часто, во-первых, Владычними заповедями Господа нашего Иисуса Христа, во-вторых, Деяниями и Правилами святых Апостолов и священных Соборов, а также свидетельствами божественных отцов, в-третьих, самими словами, чином и священнодействием святой Литургии, а в-четвертых, наконец, собственно самим Святым Причащением». В XIX веке святой праведный Иоанн Кронштадский ежедневно служил Литургию и причащал тысячи людей.

Конечно, надо сознавать тот факт, что мы заведомо недостойны и никогда не сможем быть достойны таинства Причастия. Вместе с тем мы не должны думать, что станем более достойными, если будем причащаться реже, или если каким-то особым образом будем к нему готовиться. Мы всегда останемся недостойными! Наше человеческое естество на духовном, душевном и телесном уровнях всегда будет неадекватным по отношению к этому таинству. Причастие есть дар Божией любви и заботы, и потому подлинной подготовкой к принятию этого дара является не проверка своей готовности, а уразумение своей неготовности. Евхаристия и дана нам для того, чтобы, причащаясь и соединяясь со Христом, мы становились более чистыми и достойными Бога: «Понеже Ты хочеши жити во Мне, дерзая приступаю...» Насколько же этот подход более правилен, чем тот отказ от причастия по причине неготовности, который в определенный период времени восторжествовал в нашей Церкви и сделал большинство литургий — Евхаристией без причастников!

Тайная Вечеря, совершенная Христом вместе с учениками, являлась древнееврейской пасхальной вечерей, на которую в Израиле собирались члены каждой семьи для вкушения жертвенного агнца.

Но если ветхозаветный пасхальный ужин был семейной трапезой, то в новозаветной Тайной Вечери участвовали ученики Христа — не родственники Его по плоти, а родственники по духу, та семья, которая потом вырастет в Церковь. И вместо агнца был Он Сам, приносящий Себя в жертву «как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира» для спасения людей (1 Пет. 1:19–20). Эти собрания и после крестной смерти и Воскресения Спасителя продолжили Его ученики. Они собирались в первый день недели — так называемый «день солнца», когда воскрес Христос, — для «преломления хлеба».

Совместная трапеза объединяет людей. Во все века братской совместной трапезе придавалось огромное значение. Но особое значение в древнееврейской традиции имела пасхальная трапеза, на смену которой в Новом Завете пришла трапеза евхаристическая. Постепенно, по мере роста христианских общин, Евхаристия трансформировалась из совместной трапезы, вечери-ужина, в богослужение.

Литургическая молитва постоянно призывает нас к одному и тому же: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святаго причастие»**[7]**. Всякое мало-мальски серьезное изучение евхаристического чина не может не убедить нас в том, что чин этот весь, от начала до конца, построен на принципе соотносительности, т.е. зависимости друг от друга служений предстоятеля и народа. Еще точнее эту связь можно определить как сослужение**[8]**. Все раннехристианские памятники свидетельствуют, что «собрание» всегда считалось первым и основным актом Евхаристии. На это указывает и древнейшее литургическое наименование совершителя Евхаристии — предстоятель. Его первая функция и состоит в возглавлении *собрания*, т.е. в том, чтобы быть «предстоятелем братии». Собрание, таким образом, есть первый литургический акт Евхаристии, ее основа и начало.

Сегодня «стечение молящихся» (т.е. собрание) перестало восприниматься как первичная форма Евхаристии, а в Евхаристии перестали видеть и ощущать первичную форму Церкви. Литургическое благочестие стало предельно индивидуалистическим, о чем красноречиво свидетельствует современная практика причащения, подчиненная до конца «духовным нуждам» отдельных верующих, и которую никто — ни духовенство, ни миряне — не воспринимает в духе самой евхаристической молитвы, уже цитируемой нами, о соединении всех «во единого Духа Святаго причастие».

Слово «сослужение» теперь применяется только к духовенству, участвующему в службе, что же касается мирян, то их участие мыслится всецело пассивным. Так в школьном богословии при перечислении условий, необходимых для служения Литургии, упоминается обычно всё — от законно рукоположенного иерея до качества вина. Всё, кроме «собрания в Церковь», не считающегося сегодня «условием» Литургии.

И сами миряне не воспринимают свое присутствие на Литургии от начала до конца в качестве обязательного элемента Литургии. Они знают, что богослужение начнется в определенный час, согласно расписанию, вывешенному на дверях храма, вне зависимости от того, придут ли они к его началу или в середине или даже под конец.

Однако именно собранная в Евхаристии Церковь и есть образ и *осуществление* Тела Христова, и только потому собранные смогут причаститься, т.е. быть общниками Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием. Никто и никогда не мог бы приобщиться, никто и никогда не был бы достоин и «достаточно» свят для этого, если бы не было это дано и заповедано в Церкви, в собрании, в том таинственном единстве, в котором мы, составляя Тело Христово, можем неосужденно быть участниками и причастниками Божественной Жизни и «войти в радость Господина своего» (Мф. 25:21). Чудо церковного собрания заключается в том, что оно не «сумма» грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово. Вот тайна Церкви! Христос пребывает в своих членах, и потому Церковь не вне нас, не над нами, а мы во Христе и Христос в нас, т.е. мы и есть Церковь.

Быть в Церкви, значит быть со Христом, Который открывается нам в таинстве Евхаристии. «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6:53–54). В этих словах Христа заключается тайна богообщения, открытая для каждого члена Церкви. И наша встреча со Спасителем — не эпизодическое свидание, а постоянная напряженная жизнь наполненная всегдашним устремлением, всегдашним желанием утверждать себя в Боге, соединяться с Ним.

Таинство Евхаристии как таинство Христа, пребывающего с человеком, уникально, больше ничего подобного в мире не было! Христос с людьми — не как память, не как идея, а как реально Присутствующий! Для православных христиан Евхаристия не просто символическое действие, совершаемое в воспоминание Тайной Вечери, но сама Тайная Вечеря, возобновляемая Христом за каждой Евхаристией и непрерывно продолжающаяся в Церкви, с той пасхальной ночи, когда Христос возлежал за столом со Своими учениками. Вот почему таинству Евхаристии Церковь придает особое, ни с чем несравнимое значение в деле спасения человека.

После грехопадения люди постепенно утратили чувство присутствия Бога. Их воля перестала быть в гармонии с волей Божией. Чтобы спасти, исцелить измененную ко греху человеческую природу Бог сходит на землю. Но спасение и освящение не может быть нам просто подано извне. Оно должно быть творчески воспринято нами изнутри. И потому Бог не просто сходит Сам по Себе, а сходит через человека, исцеляя нашу природу неизменностью Своего Божества. Божественная

Личность Христа разглаживает те складки воспринятой человеческой природы, те греховные рубцы, которые появились в ней после грехопадения. Человеческая природа Христа становится об*о*женной, преображенной.

И вот этот дар преображения Христос сделал доступным для всех верующих в Него, установив величайшее христианское таинство — таинство Евхаристии, причастия Его Тела и Крови. В этом таинстве мы не просто общаемся с Богом, но Бог входит внутрь нашего естества, причем, это вхождение Бога в нас происходит не каким-то символическим или духовным способом, но абсолютно реально — Тело Христово становится нашим телом и Кровь Христова начинает течь в наших жилах. Христос становится для человека не только учителем, не только нравственным идеалом, Он становится для него пищей, и человек, вкушая Бога, соединяется с Ним духовно и телесно.

Так же как и в обычной трапезе, когда человек ест, он причащается природе, он делается ее частью, а она — его. Потребляемая человеком пища не просто переваривается, она входит в нашу плоть и кровь, преображается в ткани нашего организма. Когда совершается таинство Евхаристии, Господь не незримо, не чисто духовно, а вполне реально входит в нас, становясь частью нашего существа. Мы становимся тем небесным Хлебом, который вкусили, т.е. частицами Тела Христова.

Преображенная плоть Христова входит в жизнь каждого христианина через причастие, наполняя его Своим животворным присутствием, Божественной энергией. Она онтологически воздействует на человека изнутри, подталкивая его совесть к доброму выбору. И это не насилие. Апостол Павел однажды заметил: «Бедный я человек!.. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:24, 15–19). И это замечание апостола может повторить любой христианин! Человек пленен своим грехом. В каждом из нас живет огромная инерция греха, которая подталкивает нас именно к злому выбору. Человек, участвующий в Евхаристии, имеет возможность более свободно действовать при выборе «добра» или «зла», чем тот, кто не принимает участия в таинстве (вот каким образом Христос сделал нас свободными — ср. Гал. 5:1).

Именно вследствие этого важнейшим элементом, который подлежит освящению на литургии, является не вино и не хлеб, а мы с вами. Не случайно, когда священник взывает к Богу о том, чтобы хлеб и вино стали Телом и Кровью Христа, он произносит: «Ниспосли Духа Твоего Святаго *на ны* и на предлежащия дары сия». Святой Дух должен сойти не только на святые дары, чтобы их сделать Телом и Кровью Христа, но и на нас, чтобы сделать нас, по выражению Святых Отцов, «сотелесными» Христу, сделать частью Его Пречистого Тела.

Каждый священнослужитель по-разному переживает этот особый и трепетный момент в литургии,

когда время как бы останавливается и реальность иного мира входит в нашу повседневную жизнь, когда Святой Дух ощутимым образом касается нашего человеческого естества, преображая его изнутри. Материальное естество хлеба и вина остается перед нашими очами и не меняется в момент преложения их в Тело и Кровь Христа. И наше человеческое материальное естество внешне не меняется, когда мы причащаемся. Но происходит внутренняя радикальная трансформация и того и другого: и святых даров, стоящих на престоле, и людей, стоящих перед престолом.

Вот почему никакой человек, приступающий к таинству, никогда не сможет так к нему подготовиться, чтобы стать достойным принять в себя Бога, стать «сотелесным» Ему. Только сознание своего всецелого недостоинства, своей греховности и чувство глубокого покаяния может и должно быть пропуском к таинству таинств.

Сокрушение от сознания собственной греховности, однако, не должно препятствовать христианину воспринимать Евхаристию как праздник и радость. По своей природе Евхаристия является торжественным благодарением, основное настроение которого — хвала Богу. В этом парадокс и тайна Евхаристии: к ней нужно приступать с покаянием и одновременно с радостью — с покаянием от сознания своего недостоинства и радостью от того, что Господь в Евхаристии очищает, освящает и обоготворяет человека, делает его достойным, невзирая на недостоинства, дает незримую благодатную силу. Каждый причастник Евхаристической трапезе несет Христа в себе.

В идеале причащаться нужно за каждой Литургией. И в идеале именно ритм церковной жизни той общины, к которой принадлежит конкретный христианин, должен определять ритм его индивидуальной евхаристической практики. Однако мы живем на разных уровнях интенсивности духовной жизни, и не каждый может отдавать Богу всего себя ежедневно. В современных условиях трудно предписывать единый для всех стандарт: каждый человек должен почувствовать свой внутренний ритм и определить, как часто ему следует причащаться. Но для всех нас важно, чтобы Причастие не превращалось в редкое событие, которое происходит либо по особым случаям, либо по большим праздникам.

Будем ли мы подходить к Святой Чаше несколько раз или один раз в неделю, раз в две недели или раз в месяц, Причащение должно быть тем стержнем, вокруг которого выстраивается вся наша жизнь. В конечном же итоге мы призваны к тому, чтобы вся наша жизнь стала Евхаристией – непрестанным благодарением Богу за Его дары, благодарением, выражаемым не только в словах, но и в делах, во всем нашем образе жизни.

И очень важно помнить о том, что Евхаристия преображает не только жизнь каждого конкретного

христианина: она преображает всю церковную общину, созидая из отдельных индивидуумов единое Тело Христово. Литургия – это «общее дело», общий подвиг всей христианской общины. Евхаристия, как общее дело Церкви, на протяжении веков соединяла членов Церкви «друг ко другу». И отдельные Поместные Церкви также соединяются в единое церковное Тело именно через Евхаристию.

Общецерковное измерение Евхаристии с особой силой выражено в чинопоследовании Божественной литургии. Это измерение необходимо подчеркивать и осмыслять в наше время, когда верующим пытаются навязать индивидуалистическую парадигму как в религиозных убеждениях, так и в их действенном проявлении.

Опыт евхаристической молитвы и рождающееся в ней действование Церкви – это соборный акт. Наша главная сила, духовная и общественная, заключается в том, что мы совершаем Евхаристию как общее дело, через которое актуализируется не только наше единство со Христом, но и наше единство друг с другом. И это не абстрактное единство. Это единство, которое глубже культурных и родственных связей: это единство жизни во Христе, самое сильное и самое глубокое единство, которое только может существовать в человеческом сообществе.

---

[1] Игнатий Богоносец. Послание к Смирнянам 7.

[2] Добротолюбие. Т. 2. М., 1895. С. 196.

[3] 13.PG 32, 484B.

[4] Книга правил. С. 12.

[5] Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования 23, 21 [Писания. М., 1892. С. 605].

[6] См., например, Слово нравственное 3, 434-435 [SC 122, 422]: "(Тело и Кровь), которые мы ежедневно едим и пьем".

[7] Из анафоры литургии святителя Василия Великого.

[8] См.: *Афанасьев Николай, прот.* Трапеза Господня. Париж, 1952.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55142/